

THE
NORTH
WIND

ALEXANDRIA
WARWICK

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

АЛЕКСАНДРИЯ
УОРВИК

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
У64

Alexandria Warwick
THE NORTH WIND
(#1 in The Four Winds series)

Copyright © 2022 Alexandria Warwick. All rights reserved

Cover copyright © 2024 Story Wrappers LLC.

Перевод с английского *Ксении Гусаковой*

Уорвик, Александрия.

У64 Северный Ветер / Александрия Уорвик ; [перевод с английского К. Гусаковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с.

ISBN 978-5-04-216132-2

Уже триста лет земли вокруг Эджвуда скованы льдом, а Темь — магический барьер, защищающий жителей от Мёртвых земель за его пределами, — слабеет. Остановить падение Теми может лишь одно: кровь смертной девушки, связанной узами брака с Северным Ветром. Он — бессмертный бог, его сердце сковано льдом, как земли, которыми он правит. И настало время выбрать ему невесту.

Рен из Эджвуда не надо рассказывать, как тяжела может быть жизнь. После смерти родителей на её плечи ложится забота о себе и сестре, чтобы они могли выжить на землях суровой и вечной зимы. Но если легенды не врут, скоро им станет небезопасно даже в собственном доме.

Когда Северный Ветер обращает свой взор на сестру Рен, она готова на всё, чтобы спасти её. Даже пожертвовать собой. Но смертная она или нет, Рен не намерена сдаваться без боя...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гусакова К.,
перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-216132-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДОМ ТЕРНИЙ

ГЛАВА

1

Небеса предвещают трагедию. Они бледнейшего из серых тонов, но на восточном горизонте уже алеет пятно — знак восходящего солнца. Ширится, пропитывая облака, стекает дальше на запад, собирается в темные мазки среди ночных красок, что никак не растают. Съежившись в гуще заснеженных деревьев, я наблюдаю, как просыпается день, и страх прорезает в моем сердце трещины. Небо багровое, как пролитая кровь.

Как месть.

Я ожидала этого зрелища уже несколько дней. Все так, как гласят истории. Сперва распускаются кожистые шишки старого кипариса, растущего на городской площади. Три десятка лет дерево спало, и появление цветков вызвало среди людей переполох. Женщины бились в истерике, мужчины же с мрачными лицами стойко ждали неизбежного. Бутоны, затем истекающий кровью рассвет. Пока я мало что могу сделать. Ведь если верить небесам, в Эджвуд прибудет гость — и скоро.

Резкий ветер шелестит голыми, похожими на узловатые костяшки пальцев, ветвями. Плотнее кутаюсь в сшитый из лоскутов плащ, и все же вездесущий холод умудряется проскользнуть в прорехи.

Окутанная белым полотном, земля лежит в безмолвии, снег мягок и свеж, принесенный бурями, что дуют так часто, как сменяются лунные циклы. Пока я не стану думать о том, что грядет. Я сосредоточена на здесь и сейчас, на необитаемом клочке леса, где вокруг черные деревья с прогнившим нутром, и моя онемевшая от холода, зятанутая в перчатку рука сжимает лук.

Выглядывая из-за ствола, с которого давным-давно содрали кору, я осматриваю окрестности. Две недели охоты — и я почти потеряла всякую надежду. Три дня назад, однако, я наткнулась на след дичи, еще свежий. Он привел меня сюда, за двадцать пять километров к северо-западу от дома, но самого лося я пока еще не увидела.

— Где же ты? — шепчу.

В ответ лишь воет ветер. Лес, лабиринт инея и снега, будто содрогается. Подогретое голодом отчаяние загнало меня глубже в его сердце, за пределы маленького очага цивилизации — никто не осмеливается жить на севере, где поблескивает река Лез. Меня ни на мгновение не отпускает страх, но будь я проклята, если себя выдам.

Глаз цепляется за движение. Появляется животное, одинокое, разлученное со стадом. Таков путь Серости. Походка зверя медленна, натужна, он явно волочет копыта, его передняя левая нога изогнута под неестественным углом. От зрелища к горлу подкатывает тошнота. Бедняга не виноват в своих страданиях. Вина за то лежит на темном боге, что обитает за Темью.

Едва осмеливаясь дышать, вытаскиваю стрелу из колчана, кладу пальцы на тетиву. Натягиваю, плавно и до конца, легонько задевая рукой челюсть, а тетивой — кончик носа. Лось роет снег копытом в поисках зелени, какой-то надежды, но никогда ее не найдет. Ему не придется долго страдать. Я убиваю чисто и мгновенно.

Но я не одна.

Я чувствую то, чему здесь не место. Глубокий вдох — и в легкие врываются запахи леса. Древесина. Лед.

Огонь...

Гарь. Полный пепла горн, раздутый от жара, едкого и нечистого. С каждым вдохом он обволакивает заднюю стенку горла, забивается в нос. Это предупреждение, и оно приходит с севера.

Внутри все застывает. Я обращаюсь в слух, стараясь уловить малейший необычный звук. Мышцы, готовые к бегу, сводит напряжением, и все же я заставляю разум успокоиться, обратиться к тому, что я знаю, а знаю я следующее: запах слаб. Я достаточно далеко от темного ходака, и у меня есть время, но действовать придется быстро.

Когда я снова смотрю на лося, он уже отошел так, что шанс убить его с первого выстрела стал еще меньше. А подобраться ближе — слишком велик риск. Если животное сбежит, я его никогда не поймаю, а припасов на долгую вылазку не хватит. Дома сплошные сухари, а от вяленого мяса остались жалкие крошки.

Так что я не промахнусь.

Меняю угол, поднимаю наконечник повыше.

Выдыхаю — и разжимаю пальцы.

Стрела со свистом взрезает холодный воздух. Лось вскидывает голову. Поздно. Стрела попадает точно в цель, глубоко входит в теплую плоть и все еще бьющееся сердце.

Итак, мы с сестрой увидим завтрашний день.

Поспешив к нему, я проверяю, мертв ли он. Величественную голову венчают массивные, бархатные на ощупь рога. Большие влажные глаза смотрят невидящим взглядом. Нос мягкий, несмотря на пронизанный морозом воздух.

Последние лосиные стада исчезли десятилетия назад, а этот умудрился забрести обратно в наши земли. От бедняги осталась лишь кожа на искореженных костях, и я задаюсь вопросом — а когда он вообще в последний раз ел? В Серости мало что процветает.

Я быстро начинаю свежевать животное ножом, с которым никогда не расстаюсь — последним из папиных

пожитков. Отделяю от туши исходящие паром куски мяса, укладываю их в сумку так плотно, как только могу. Шкуру пропитывает кровь, капает из мельчайших отверстий. Пахнет медью. Рот наполняется слюной, безжалостно ноет бездонная дыра, которой стал мой желудок. Время от времени оглядываюсь через плечо, осматриваю окрестности. Краснота неба сменилась голубым.

Над медной вонью все еще витает запах горна. Или он становится ярче? Сунув руку во вспоротый живот туши, я вырезаю очередной кусок и кладу его к остальным. Руки от кончиков пальцев до самых локтей покрыты горячей кровью.

Отделяю печень, и вдали раздается вой, от которого волосы на коже встают дыбом. Орудую ножом быстрее. Выпотрошив живот, я перехожу к бокам. На поясе у меня висит маленький мешочек соли, но он защищает меня лишь от одного темняка или, может, от двух, но маленьких. Вот только вой переходит в рев, такой близкий, что содрогаются деревья, и я вся цепенею. Сердце подскакивает и в мгновение ока обрывается, бешено колотится в панике, на гребне черной волны.

Время истекло.

Оглядев себя, понимаю, что вся покрыта кровью лоса. Несмотря на отвращение темняков к соли — и даже той, что содержится в крови, — запах привлечет их внимание, ведь они питаются живыми, хлещут змеиными языками, высасывая жизнь из самой души.

Меня насквозь пробирает парализующий холод. Бежать. Бежать быстро и далеко. Но кровь...

Дергаными движениями растираю руки снегом. Не оттирается. Скребу сильнее, неистовей, и ветер доносит до меня предупреждение о лесном пожаре, что говорит о надвигающейся опасности. Ничего не выходит. Снег смысл часть, но не то, что пропитало плащ и перчатки.

Одним движением сдираю с мокрого от пота тела тяжелый плащ, сдергиваю окровавленные перчатки.

Стискиваю зубы, пронзенная болезненной дрожью. Ужасно холодно. Смертельно, если я не буду осторожна. Достая сухую шерстяную тунику, в которую заворачиваю флягу с вином в сумке, грубыми рывками натягиваю через голову. Воздух, колючий, как осколки стекла, подстегивает движения. Клянусь богами, не для того я две недели шастала по бесплодной пустоши, чтобы помереть. Если я не вернусь с пищей, Элору постигнет та же участь.

Сняв промокшие вещи, я запихиваю их под истекающий кровью труп, затем взбираюсь на самое высокое дерево, какое только могу найти. Вымерзшая кора впиивается в и без того истертые ладони. Вверх, к самой далекой от земли ветке, что стонет под моим малым весом. Это, полагаю, плюсы голодания, пусть и жуткие. Множество веток и коричневая туника неплохо скрывают меня из виду.

Мгновение спустя в лесную ложбину вваливается темняк, но я не могу разглядеть его. Лишь обрывки теней. Черные потеки, что будто струи крови, на белом фоне. Некоторое время он рассматривает мертвого лося, затем проходится по окрестностям. Сопение заставляет меня застыть на месте. Стискиваю челюсти, чтобы не выдать себя стуком зубов.

Темь — барьер, отделяющий Серость от прилегающих Мертвых земель, — якобы сдерживает темных ходоков, привязанных к тому свету. Горожане говорят о дырах в барьере, трещинах, что позволяют искалеченным душам вернуться в мир живых, питаться теми, кто еще дышит. Я не видела дыр сама, но если так и есть, то не могу сказать, что виню их. Все вертятся как могут. Лгут, воруют и не собираются извиняться. Я — уж точно.

С течением минут пальцы коченеют, ноют от боли, кончики начинает покалывать. Со скрипом суставов стискиваю кулаки и прижимаю их к теплomu животу.

Темняк обнюхивает открытую, набитую мясом сумку. Эти твари не живые на самом деле, не настолько,

чтобы нуждаться в пище и сне, но я все равно чувствую укол страха: лось — мое спасение. Он должен унять сосущее ощущение в животе. Из шкуры выйдет новый плащ для Элоры, хотя мой совсем уже разошелся по швам. Рога пойдут на инструменты. Таков, по крайней мере, план.

В конце концов тварь уходит. Жду минут десять, затаив дыхание. Воздух больше не обжигает огнем. Только тогда я слезаю с дерева, натягиваю плащ и перчатки, потираю ладони, чтобы согреть онемевшую плоть.

Половина мяса все еще ждет, когда я отделию ее от источающей пар туши. Запас пищи на два месяца. Как ни обидно оставлять хоть кусочек, нельзя рисковать и тратить время. Собранного хватит на месяц, и если мы с Элорой будем осторожны, то сумеем растянуть дольше. А на останки, может, наткнется еще какой оголодавший зверь.

Взваливаю сумку на спину и начинаю обратный путь в двадцать пять километров к Эджвуду, кряхтя под тяжестью ноши, утопая в мягкой земле изношенными ботинками. К пятому километру ступни, лицо, руки теряют чувствительность. В уголках глаз замерзают слезы, причиняя ужасную боль. Ветер не стихает, скольким бы богам я ни молилась, но они должны знать, что я утратила веру. В ноги просачивается тупая боль. Холод настолько всепоглощающ, что дыхание перехватывает прежде, чем оно успевает покинуть тело.

На дорогу уходит целый день. Вечер окутывает мир темнотой, погружает его в глубокие, окрашенные фиолетовым сумерки. Когда остается каких-то три километра, я слышу звук. Низкое, жалобное блеяние бараньего рога, что разносится по долине и заставляет сердце биться с чудовищной скоростью. Небо предвещало трагедию — и оно не ошиблось.

Северный ветер уже здесь.

ГЛАВА

2

Давным-давно Серость была известна как Зелень. Три столетия назад этот край, эта земная твердь была самым воплощением жизни: обильная и цветущая, с прозрачной водой, журчащей по гладким камням, со стадами лосей и оленей, с дикими зайцами и певчими птицами, такими как крапивник, в честь которого меня назвали. Голода не было — никто не знал недостатка пищи. Города процветали, их богатство затрагивало даже отдаленные поселения. Даже рек было множество, их течения устремлялись на юг, к низинам, полным форели, пресноводных моллюсков, которых ловили и продавали вдоль берегов. А болезни?.. Их тоже не было. Люди старели, толстели, счастливые, и умирали во сне. Я не помню тех времен, ведь тогда я еще не родилась.

Изменения произошли не сразу. Скорее, как луна, что созревает, а затем убывает, угасая. С годами лето стало коротким, а зима все тянулась, суровела. Чернело небо. Солнце, скрывшись за горизонтом, не показывалось месяцами.

Тогда возникла Темь, словно воздвигнутая призрачными руками. Никто не знал, ни откуда она взялась, ни зачем нужна. Возникли темные ходоки, воплощенные кошмары. Мы их прогоняли, но они возвращались толпами, ордами, сгущающимися тенями. В конце концов землю окутала зима, и даже солнцу оказалось неподвластно растопить ее ледяную корку.

И вот так Зелень перестала быть благодатной. Эджвуд и окрестные города начали голодать, их посевы засохли, реки покрылись льдом, скот пал. В непроходимых Мертвых землях, за Темью, якобы обитал бог, изгнанный с тремя своими братьями на окраины нашего мира. Их называют Анемои — Четыре ветра, — которые приносят на землю времена года. В те сумрачные года слухи обретали сердца, напитки-вались дыханием, оживали. Он именует себя Борей, Северный ветер: тот, кто призывает снега и холод. Но всем, что живет в Серости, он известен как Король стужи.

Примерно через час добираюсь до Эджвуда. Скромный городок — россыпь соломенных крыш и вымерзших, облепленных грязью жилищ — окружает невысокая каменная стена, заваленная снегом. А еще стену венчает толстый слой соли. По лесу темняки бродят свободно, но внутри защитного кольца я в безопасности.

Внутри стены никто не шевелится. Ставни закрыты, свечи погашены. В трещинах и промежутках разбитой мостовой сгущаются тени, разрастаются по мере того, как сумерки переходят в настоящую ночную черноту. Проходя мимо одного общественного ведра соли, висящего на столбе, быстро пополняю запас. Шагаю дальше, вверх по дороге, сумка за спиной хлупает сочащейся кровью. Звук рога был первым предупреждением. У нас с сестрой не так много времени на подготовку.

Переулочек выводит на пустынную расчищенную площадь, где растет кипарис. Один вид круглых шишек заставляет ускорить шаг. Вокруг площади по снегу змеятся тропинки, серая и влажная, растоптанная земля.

Наш домик стоит на вершине холма, наполовину скрытый давно засохшими деревьями. Спешу войти в дверь, пинком ее захлопываю за собой, зову:

— Элора?

Жар от горящего очага согревает онемевшую кожу лица. Деревянные половицы скрипят под ботинками, я оставляю лук и колчан у входа, прохожу в глубь тесного жилья. В нем всего три комнаты, и поиски занимают меньше десяти ударов сердца.

Дом пуст.

Иногда Элора проводит время на участке пожилой соседки, помогает с мелкими делами. Но, выглянув за дверь, я вижу, что окна ее дома темны. Она либо спит, либо тоже отсутствует.

Иду на кухню, опираюсь на потертый шаткий стол, чтобы не упасть. Пропитанная кровью сумка шлепается на пол с глухим стуком. Слышу его как сквозь пелену. Ощущаю свое тело как сквозь пелену. Король стужи не мог прибыть так быстро. Еще слишком рано.

Первый сигнал возвещает, что король перешел в Серость. Темь в нескольких часах пути даже верхом на лошади, а наш домик располагается дальше всех от въезда в городок, крошечный и почти незаметный. Или я ошибаюсь? Если он забрал Элору, я осталась ни с чем.

Разум будто скован льдом. От холодного, черного, чистого ужаса ноги примерзают к полу. Если король избрал Элору жертвой, как давно он явился? И когда они отбыли? Почему городок не вверх дном? Они отправились бы на север. Я все еще могу их догнать, если брошусь бегом, хотя все еще могу взять лошадь мисс Милли. У меня есть лук. Пять стрел в колчане. Горло, сердце, живот. Если попаду в них одновременно, будет ли этого достаточно, чтобы убить бога?

Задняя дверь открывается — на пороге возникает моя сестра, стряхивая снег с шерстяной шапки.

Облегчение столь колоссально, что у меня подгибаются колени, с грохотом бьются о затрепавшие половицы.

— Ах ты... — срывается с губ. — Никогда так не делай!

